

# Восточный архив

№ 2 (44), 2021

*Восточный архив*  
Издаётся с 1998 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия  
Свидетельство ПИ № ФС77-32098 от 30 мая 2008 г.

Журнал можно посмотреть на сайте  
Института востоковедения РАН

#### Редакционный совет

В.В. Наумкин – председатель  
В.В. Беляков – зам. председателя  
Н.Г. Романова  
М.Р. Рыженков  
Т.А. Филиппова

#### Редколлегия

В.В. Беляков – главный редактор  
Н.К. Чарыева – ответственный секретарь  
Л.В. Зеленина  
А.Ш. Кадырбаев  
Ю.Н. Тихонов

#### Художественное оформление

С.И. Потабенко

#### Вёрстка

Г.М. Абишева

Журнал издаётся Институтом востоковедения РАН  
Адрес редакции: 103031, Москва, Рождественка, д. 12, комн. 213  
E-mail: orientalarchive@yandex.ru

Воспроизведение или распространение полностью или частично текста «Восточного архива» в любой форме и любыми способами не допускается без письменного согласия редколлегии. Всю ответственность за точность и достоверность фактов, цитат и цифр, а также за то, что статьи не содержат данных, не подлежащих открытой публикации, несут авторы. Позиция редакции не обязательно совпадает с мнениями авторов. При цитировании ссылка на журнал «Восточный архив» обязательна.

Подписано в печать 15.09.2021  
Объем 15,0 п. л.  
Тираж 80 экз.  
Отпечатано в издательстве МВА  
103031, Москва, Рождественка, 12  
Цена в розницу договорная

© Авторы, 2021

© Институт востоковедения РАН, 2021

## СОДЕРЖАНИЕ

<b>Слово редактора</b> .....	3
<b>Гоков О.А.</b> К истории военного планирования штаба Кавказского военного округа по Персии в 1889–1890 гг.	4
<b>Норик Б.В.</b> Дневник полковника В.А. Косаговского. Часть 7	12
<b>Грушевой А.Г.</b> Дамасский протокол и его значение в истории школ Императорского Православного Палестинского общества .....	24
<b>Кадырбаев А.Ш.</b> Российские войска Кавказского фронта как сдерживающий фактор погромов мусульман дашнаками. 1914–1917 гг. ....	34
<b>Локшин А.Е.</b> Организация сионистской учащейся молодежи «Геховер» в России .....	40
<b>Богданов В.И.</b> Письма И.Я. Билибина Н.К. Рериху из Египта .....	44
<b>Мелентьев Д.В.</b> Неизвестное экспертное заключение советского чиновника о положении туркестанских мусульманок .....	58
<b>Шмидт В.</b> Системы народного образования среди национальных меньшинств Казахстана .....	68
<b>Гайкин В.А.</b> Ежемесячный бюллетень за 1940 г. о борьбе с партизанским движением в юго-восточной Маньчжурии .....	77
<b>Ельцова Е.Н., Бешанова С.А.</b> Общественные объединения и союзы в жизни русской общины Туниса .....	82
<b>Монгуш М.В.</b> Всеправославное совещание 1948 года: новые документы к истории его подготовки .....	94
<b>Бухерт В.Г.</b> Л.Н. Гумилёв – аспирант Института востоковедения Академии наук СССР .....	103
<b>Беляков В.В.</b> Президент Г.А. Насер в Советском Союзе ....	108
<b>Прожогина С.В.</b> С мечтой о будущем в уже далёком прошлом .....	111
<b>Наши авторы</b> .....	120

# *Oriental Archive*

No. 2 (44), 2021

## CONTENTS

<b>Editor's notes</b> .....	3
<b>Gokov, Oleg.</b> On History of Military Planning by Staff of Caucasus Military District on Persia in 1889–1890 .....	4
<b>Norik, Boris.</b> Colonel Kossagovsky's Diary. Part 7 .....	12
<b>Grushevoy, Alexander.</b> The Damascus Record and its Role in Imperial Orthodox Palestine Society Schools History .....	24
<b>Kadyrbaev, Alexander.</b> Russian Forces at the Caucasus Front as Suppress Factor for Pogrom of Mos- lems by Dashnaks in 1914–1917 .....	34
<b>Lokshin, Alexander.</b> Gehover Organization of Zionist Students in Russia .....	40
<b>Bogdanov, Vladimir.</b> Letters from Ivan Bilibin to Nicolay Rerih from Egypt .....	44
<b>Melentiev Daniil.</b> Unknown Expert Conclusion by a Soviet Official on Position of Turkestan Women ..	58
<b>Schmidt, Waldemar.</b> Education Systems for National Minorities of Kazakhstan .....	68
<b>Gaykin, Vladimir.</b> Monthly Bulletins (1940) on Struggle with Partisans in South East Manchuria .....	77
<b>Eltsova, Elena and Beshanova, Svetlana.</b> Russian Public Organizations and Unions in Tunis .....	82
<b>Mongush, Marina.</b> New Documents of the History of the Ortodox Convent in 1948 .....	94
<b>Bukhert, Vladimir.</b> Leo Gumilov as Post-graduate Student at the Institute of Oriental Studies, Soviet Academy of Sciences .....	103
<b>Beliakov, Vladimir.</b> President Gamal Abdel Nasser in the Soviet Union .....	108
<b>Prozhogina, Svetlana.</b> Dreaming of the Future at the Far Away Past .....	111
<b>Contributors</b> .....	120



DOI: 10.31696/2072-5795-2021-2-58-67

Д.В. Мелентьев

## НЕИЗВЕСТНОЕ ЭКСПЕРТНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ СОВЕТСКОГО ЧИНОВНИКА О ПОЛОЖЕНИИ ТУРКЕСТАНСКИХ МУСУЛЬМАНОК

Дискурс Октябрьской революции, казалось бы, ознаменовал кардинальный разрыв с имперским прошлым. Коммунисты установили контроль и над Туркестаном, но на протяжении первой половины 1920-х годов в данном регионе не произошло радикальной трансформации практик управления. Вместе с тем власти стали осуществлять политику положительной деятельности: в государственные институты вошли представители коренных народов, началось продвижение изучения местных языков, на них частично перевели делопроизводство. Преемственность между имперской и раннесоветской властью проявлялась в игнорировании патриархального гендерного порядка среди автохтонного населения и проблем семейно-бытового характера мусульманок.

Имперские чиновники полагали, что туркестанское общество и мусульманки к раскрепощению не готовы. Считалось, что в составе Российской империи культура, быт и мировоззрение туркестанских мусульман постепенно примут европейские черты<sup>1</sup>. Аналогично мыслило правительство большевистского Туркестана, поскольку в советские структуры вошли чиновники имперской администрации. Бывшие царские управленцы сохраняли свои посты, несмотря на антагонизм части большевистского руководства и политико-идеологические чистки в органах государственного управления<sup>2</sup>. Вероятно, в Туркестане чистки были не массовые, а «точечные» или проводились формально: в регионе серьёзно ощущался дефицит грамотных кадров, от чего страдала эффективность работы на всех уровнях<sup>3</sup>.

О сохранении среди советских чиновников «старорежимных» взглядов на раскрепощение мусульманок свидетельствует рапорт, который был отправлен человеком, имевшим звание полковника и находившимся

на посту управляющего Тургайской областью до 1917 года. На момент составления рапорта полковник в течение пяти лет (1918–1923 гг.) являлся начальником Чимкентского уезда. Рапорт из Чимкента направили в Самаркандское областное правление, а затем по запросу Центрального отдела (ЦО) по работе среди женщин (*женотдел*) в Ташкент, откуда он был отослан в московский ЦО.

Сейчас документ хранится в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). Он датируется 1923 годом. Рапорт находится в Ф. 17. Оп. 10 вместе с материалами отдела ЦК ВКП(б) по работе среди женщин Туркестана за 1919–1925 гг. Это машинопись в пореформенной орфографии (1918). При этом в документе отсутствуют советские неологизмы: человек, писавший его, ещё не привык говорить по-большевистски. Рапорт анонимен: нет подписи, отсутствуют инициалы, роспись. Возможно, конфиденциальность сохранялась намеренно, поскольку документ передали в Москву. Здесь его могли интерпретировать как сотрудничество женотделов с представителями царского режима: под репрессии рисковали попасть женотделки<sup>4</sup> вместе с автором документа. Не исключено, впрочем, что причина анонимности выглядит банальнее: в ходе перемещения документа между бюрократическими инстанциями имя автора было попросту утеряно.

Рапорт любопытен размышлениями полковника, старавшегося нейтрально относиться к традициям и обычаям туркестанских мусульман. Кое-где всё-таки обнаруживаются ориенталистские клише, но и оправдание культурно-правовых норм мусульман. Рапорт носит краеведческий характер, т.е. к полковнику обращались, как к этно-



графу, знающему уклад жизни и принципы функционирования правового обычая (*адата*) казахов-кочевников, которые в документе называются дореволюционной этнографической категорией – киргизами. По нашему мнению, рапорт следует интерпретировать как рекомендацию или экспертизу, составленную по просьбе туркестанских женотделов либо одного из народных комиссариатов (министерств).

Цель статьи – проанализировать позицию наркоматов, женотделов и автора рапорта по проблемам регулирования культурно-правовых и семейно-бытовых вопросов мусульманок советского Туркестана. Участники политики раскрепощения понимали её по-разному, сообразуясь с собственными интересами и задачами, что вызывало конфликты между институтами. По сути, они разворачивались вокруг вариантов гендерной модернизации туркестанского общества. В первой половине 1920-х годов модернизация в регионе была скорее избирательной, нежели фронтальной и форсированной. Учитывалась местная социокультурная и правовая специфика<sup>5</sup>, о чём свидетельствует либеральное отношение властей к решению «женского вопроса», что уже отмечалось в современных исследованиях по гендерной истории региона<sup>6</sup>.

Проблематика исследования заключается в борьбе агентов модернизации за право устанавливать новые значения и интерпретировать местную социокультурную действительность. Какие культурно-правовые и семейно-бытовые нормы и почему хотели ликвидировать женотделы? Какова была позиция местных наркоматов в отношении культурно-правовых и семейно-бытовых традиций туркестанских мусульман? Как автор рапорта действовал в рамках советской гендерной политике в регионе?

В Туркестане центральный женотдел появился в первой половине 1920 года в Ташкенте. Местным женотделам, в соответствии с планом, выработанным в Москве коммунистом-мусульманином Мирсаидом Хайдаргалиевичем Султан-Галиевым (1892–1940), предписывалось проводить раскрепо-

щение мусульманок по трём направлениям: через взаимодействие с партией, труд и просвещение<sup>7</sup>. Раскрепощение, по большей части, преследовало цель социализации мусульманок. Это напрямую затрагивало их положение в семье, угрожало домодерному бытовому укладу, бросало вызов контролю и регулированию жизни женщины со стороны мужа, родственников и общины. Ликвидация калыма и многожёнства, а также предотвращение раннего вступления в брак являлись основными задачами советской гендерной политики в регионе<sup>8</sup>.

В 1921 году правительство Туркестанской автономной советской социалистической республики (ТАССР) издало декрет, запрещавший уплату калыма в киргизских и туркменских землях в любой форме и объёме<sup>9</sup>. Калым являлся брачным даром, выплачивавшимся, согласно адату, родственниками жениха семье невесты. Калым принадлежал прежде всего родителям девушки, без него брак заключался редко. Брак без калыма был возможен в чрезвычайных обстоятельствах по предварительной договорённости с целью укрепления уз дружбы<sup>10</sup>. У кочевников калым редко состоял из денег, обычно это был скот<sup>11</sup>. По декрету калым, уплаченный до его принятия, считался легитимным и возврату не подлежал. Если калым отдали, но брак не состоялся, предписывалось его вернуть в течение полугода. Наказание за игнорирование декрета отсутствовало, поэтому он фактически не имел силы<sup>12</sup>.

Туркестанские власти не принимали существенных мер по изживанию калыма и других домодерных брачно-семейных порядков мусульман. С 1923 года женотделы начали высказывать недовольство сохранением такого положения дел. Женотделы считали калым унижающим достоинство девушек пережитком, символом экономической объективации<sup>13</sup>.

Туркестанские женотделы проводили этнографические исследования, благодаря которым было установлено, что в селении Сайрам Чимкентского уезда жители от калыма не отказались, в том числе и коммуни-



сты-мусульмане, содержавшие по 2-4 жены<sup>14</sup>. Аналогичную ситуацию выявили в туркменских землях, например, в ауле Коуки Казак Экен Тохтамышского района Мервского уезда и ауле Бай Отамышской волости Мервского уезда<sup>15</sup>.

Жители Сайрама объясняли работницам женотдела, что сохранение калыма выгодно всем: его считали возмещением расходов отца за кормление и воспитание дочки, поэтому родителям жениха было «дешевле» сговариваться со стороной невесты с рождения, «так получалось, что муж её одевает, а отцу легче»<sup>16</sup>. С удивительной стороны проявил себя советский Гражданский кодекс (1918): оказалось, положение о регистрации брака с 16 лет сыграло на руку семьям с девочками, поскольку позволяло собирать большой по объёму калым<sup>17</sup>.

Летом 1923 года Народный комиссариат юстиции ТАССР приступил к разработке положений о наказаниях за выдачу и принятие калыма<sup>18</sup>, при этом не касаясь иных брачно-семейных обычаев мусульман. В сентябре 1923 года на заседании по вопросам урегулирования брачных отношений Исполнительное бюро Центрального комитета Коммунистической партии Туркестана (ЦК КПТ) обязало молодожёнов регистрировать отношения через ЗАГС<sup>19</sup>. Впрочем, допускалось отсутствие невесты во время заключения союза по бытовым причинам или при проживании в отдалённом населённом пункте<sup>20</sup>. ЗАГСам разрешалось принимать письменное согласие мусульманок на брак, заверенное судьями (*казием* или *бием*), *махаллинской* (квартальной) комиссией или председателем сельсовета<sup>21</sup>.

Ташкентский ЦО выразил недовольство решениями Исполнительного бюро и выступил за их пересмотр<sup>22</sup>.

В ноябре 1923 года прошение ташкентского ЦО удовлетворили, создав экспертную комиссию по согласованию кодекса законов об актах гражданского состояния с шариатом и адатом, в которую вошли *халк-казии* и *халк-бии* (народные судьи)<sup>23</sup>, представители Народного комиссариата внутренних дел, Народного комиссариата здра-

воохранения, Народного комиссариата просвещения<sup>24</sup>. Комиссия рассматривала вопросы о ранних браках, их принудительной регистрации через ЗАГС и многожёнстве. Ликвидация калыма на заседании комиссии не обсуждалась.

По первому вопросу женотделы выступали против ранних браков, апеллируя к негативным последствиям для здоровья девушек после ранних родов<sup>25</sup>, а также отмечая высокую смертность среди молодых рожениц. Женотделы советовали на архаичные методы принятия родов, а также ужасную сопутствующую эпидемиологическую и санитарную обстановку<sup>26</sup>. Феминистки считали ранние браки анахроничными и противоречивыми, поскольку девочка преждевременно посвящала себя родительским обязанностям, не получив никакого образования или профессии<sup>27</sup>. Феминистки хотели отсрочить вступление мусульманок во взрослую жизнь со всеми бытовыми и семейными заботами, которые не позволяли им интеллектуально и духовно совершенствоваться. В Туркестане это было непосредственно важно, поскольку именно просвещение местные женотделы называли оптимальным путем раскрепощения мусульманок<sup>28</sup>.

В отношении второго вопроса женотделы фиксировали случаи, когда мужчины обманом принуждали сожительствовать малолетних девочек (до 16 лет), постфактум оформляя брак<sup>29</sup>. При этом женотделы не могли привлечь к уголовной ответственности педофила, поскольку брак заключался по шариату<sup>30</sup>. Женотделы хотели криминализовать ранние браки с физически и интеллектуально не окрепшими девочками.

По третьему вопросу женотделы считали недопустимым неграмотным мусульманкам подписывать документы о согласии на брак<sup>31</sup>. По данным Центрального статистического управления за 1920 год, в Туркестане неграмотными были 94,4% мусульманок<sup>32</sup>.

В отношении многожёнства женотделы, опираясь на личный опыт общения с мусульманками, доказывали, что добровольно-



го согласия первой жены на вторую не встречали, обычно оно вымучивалось боями<sup>33</sup>. Мусульманки из селения Сайрам признавались женотделам, что к многожёнству относятся негативно, но боятся перечить мужьям, которые силой заставляли их соглашаться на вторую жену<sup>34</sup>.

Наркоматы не прислушались к доводам женотделов. Наркомздрав посчитал, что брак с 16-летнего возраста нормален, а «туземка» гарантированно родит здорового ребенка, его появление обычно протекало благополучно, не отражаясь негативно на организме девушки<sup>35</sup>. В отношении последнего вопроса НКВД, НКП и Наркомздрав единодушно постановили, что многожёнство пока допустимо<sup>36</sup>.

Полторацкий (ашхабадский) женотдел поддерживал стремление ташкентского ЦО регламентировать правила бракосочетания в рамках советского законодательства<sup>37</sup>. В туркменских землях женотделы воспринимались мужчинами-мусульманами как институт, регулирующий межличностные отношения. Например, в женотделы обращались *дехкане* (крестьяне) с просьбой понизить стоимость калыма, так как бедняки не в состоянии «купить» жену<sup>38</sup>. Заведующая ташкентским ЦО Серафима Тимофеевна Любимова (1898–1970) отмечала, что в приграничных с туркменскими землями Бухаре и Хорезме к женщинам относились совсем как к скотине, мужчины говорили: «Верблюды подешевели, женщины подорожали»<sup>39</sup>.

В 1923 году в туркменских землях участились побеги мусульманок из аулов в города, под защиту женотделов<sup>40</sup>. Бегство и увеличившееся количество разводов нагнетали недовольство, которое проецировалось на женотделы: мужчины обвиняли их в лишении семьи рабочей силы, разрушении хозяйства дехкан<sup>41</sup>. По мнению работниц полторацкого женотдела, мусульманки не всегда были честны, когда просили женотделы повлиять на вынесение положительного решения по разводу: некоторые желали уйти от мужа из-за мелочей, например, потому что тот не купил серёжки или плохо кормит<sup>42</sup>. Беглянкам женотделы выдавали посо-

бия или пристраивали в *махкаме* (народный суд) в качестве защитниц мусульманок в делах о разводах<sup>43</sup>.

Некоторые женщины становились казиями, как, например, узбечка Ахмерова из Бухары<sup>44</sup>. По словам заведующей бухарским женотделом Капитолины Судаковой, Ахмерова работала в основном в *вилаятах* (областях) среди дехканок, разбирая совместно с мужчинами-казиями жалобы женщин<sup>45</sup>. Альтернативой обращения в махкаме была подача заявления в милицию. Однако правоохранительные органы обычно игнорировали прошения мусульманок или безраздельно выносили решение в пользу мужчин<sup>46</sup>. Чтобы устранить правовую дискриминацию мусульманок, С.Т. Любимова предлагала включать их в советские суды, назначая следователями, а при милицейских пунктах создавать отделения по бракоразводным вопросам<sup>47</sup>.

В 1923 году наркоматы и женотделы не договорились ни по одному вопросу. На излёте года НКВД разработал меры, которые ничего не меняли, лишь бюрократизировали заключение брака: в ЗАГС внедряли мусульманку-контролёра, а махаллинским комиссиям предписывалось регистрировать отношения молодожёнов только с разрешения женотдела<sup>48</sup>. В 1924 году ЦК КПТ предложил обсудить вопросы брачно-семейных отношений мусульман региона всем советским организациям, а членам партии продемонстрировать на личном примере отказ от устаревших взглядов на женщину<sup>49</sup>. Проявить себя в качестве авангарда прогрессивной социалистической этики должен был Коммунистический союз молодежи Туркестана (КСМТ). По распоряжению ЦК КПТ комсомольцам следовало агитировать за женское образование, ликвидацию калыма, недопущение ранних браков, за снятие паранджи, выступать против многожёнства, а также жестокого обращения с женщинами и самим не бить сестёр и жён<sup>50</sup>.

Подходы к ликвидации калыма, многожёнства, раннего вступления в брак вскрывают разность мировоззрений: с одной стороны, консерваторы-мужчины (мусульмане



и европейцы) из наркоматов, а с другой – современные личности, феминистки, которые рассматривали культурно-правовые и семейно-бытовые обычаи мусульман как морально исчерпавшие себя пережитки патриархально-феодалного общества. Вероятно, радикализм суждений феминисток крылся не только в идеологии, но и в возрасте. Как удалось выяснить, в женотделах, например, в Бухаре в первой половине 1920-х годов работали молодые девушки: 17-летняя полька заведовала женским клубом, 18-летняя узбечка и 19-летняя еврейка были инструкторами<sup>51</sup>. В Полторацком уезде Восточной области, в селении Безмеин работала 19-летняя учительница Риджепова, являвшаяся членом КПТ, знавшая туркменский, по национальности была метиска (русская/туркменка)<sup>52</sup>.

**Рапорт Самаркандского областного  
правления  
Донесение на № 9662**

На основании наблюдений, сделанных мною за 5 лет службы в Чимкентском уезде, нахожу возможным доложить областному правлению, что, по моему мнению, нельзя считать положение киргизской женщины столь тягостным, чтобы путём законодательного вмешательства изменить её судьбу, изменить которую может только время и постепенное развитие народа<sup>53</sup>.

Киргизка ходит с открытым лицом<sup>54</sup>, пользуется большим влиянием в семье, иногда даже верховодит над мужем, и весь секрет такого влияния женщины в киргизском быту заключается в тяжёлом и разнообразном труде, который она несёт в хозяйстве, где муж её почти ничего не делает<sup>55</sup>.

Таким образом киргизка порабощена только работой, как и русская женщина, а работой в нравственном смысле, как сартянку<sup>56</sup>, её считать не приходится.

Свои права киргизка смело отстаивает, и случаи обращения к русской власти<sup>57</sup> по брачным делам крайне редки<sup>58</sup>.

Когда ко мне обращались с жалобами на насилие, чинимые девушкам и вдовам по

поводу выхода замуж, я, просто руководствуясь общими законами<sup>59</sup>, прекращал насилие и предлагал тяжущимся судиться в народном суде о калыме, т.е. об удовлетворении денежного иска, вытекающего из отношений сватовства или брака. Обыкновенно этим дело и кончалось: девушке или вдове предоставлялась возможность свободно располагать собой, а деньги взыскивались по обычаю<sup>60</sup>.

Никаких жалоб на превышение власти с моей стороны никогда не было, вероятно, потому, что в памяти народа ещё свежи воспоминания о прежде принадлежавшем уездным начальникам праве разбирать брачные дела киргиз. Сознательно превышая власть, я не чувствовал укоров совести, находя немыслимым приводить в исполнение решения обычного суда о закреплении свободы личности. Повторяю, таких случаев вовсе не много, за 5 лет по 12 волостям вверенного мне участка около 10 случаев, не больше.

С брачными обычаями киргиз вряд ли что возможно сделать законодательными мероприятиями в настоящее время, когда родовые понятия ещё не исчезли из сознания киргизского народа, а брачное вознаграждение – калым применяется в полной мере.

При таких условиях весьма понятно, что, заплатив вознаграждение за девушку (ведь у русских крестьян здесь существует «кладка»)<sup>61</sup>, родители жениха желают получить невесту для своего сына или же вернуть затраченные деньги в случае выхода невесты за другого.

Также понятно, что и в случае смерти мужа родовичи<sup>62</sup> стремятся сохранить за собой оплаченную женщину и выдают её за муж за одного из родственников мужа<sup>63</sup>.

При этом сравнительно редко вдова бывает принуждена выйти замуж за неприятного ей старика, находясь в семье и подходящие для неё по возрасту мужчины, и тогда дело улаживается, а в случае крайности такая вдова идёт жаловаться администрации и освобождается.

Обычай передачи вдовы родственникам нам, русским, конечно, кажется варвар-



ским, особенно, когда мы к суждению о чувствах киргизской женщины прилагаем критерии подходящей для культурной девушки<sup>64</sup>, любящей только известного молодого человека.

Вернее, в данном случае, сравнить киргизскую женщину с деревенской бабой, которая часто требует от мужа, чтобы он её «жалел» и хорошо содержал.

Взглянув с этой точки зрения, мы, может быть, вернее оценим положение киргизской вдовы и найдём, что оно ещё не так плохо, как кажется, потому что обычай удержания вдовы и её детей в роде хотя и стесняет любовные поползновения вдовы, но зато вполне обеспечивает материальное положение вдовы и сирот, так как последние на полных правах и по обычаю, а не из милости входят в семью.

Вот почему киргизские вдовы и сироты и не терпят нужды, как у культурных народов оставшийся разбираемый обычай, вероятно, ранее существовавший у всех народов на патриархальных ступенях развития.

Мы говорим: трудно положение вдовы, по смерти мужа полюбившей другого, не родственника покойного мужа, ей придется расстаться с детьми, которые подлежат передаче роду. Но ведь что-нибудь одно: если дети дороже, то надо пожертвовать для них любовью, если же любимый человек дороже детей, то и нечего думать о детях, тем более что сироты попадают в семью умершего мужа вдовы и могут считаться пристроенными. Европейской женщине приходится с большей болью в сердце решать такую дилемму, потому что бывают случаи, когда любимый человек требует, например, сдачи в приют детей от первого брака. Можно считать, что обычай передачи вдовы и детей роду не особенно тяготит и поработает киргизскую женщину, но зато обеспечивает вполне призрение вдов и сирот, а потому этот обычай имеет *raison d'être*<sup>65</sup> и никаких законодательных вмешательств не требует.

Законом возможно было бы воспретить вообще калым со всеми его последствиями, но ведь одно дело издать закон, а другое –

добиться его исполнения. Мне кажется, что такое запрещение не прошло бы в киргизскую жизнь и обычай оказался бы сильнее закона. Калым продолжали бы брать, обходя закон, так как брачное вознаграждение – это в сущности нельзя считать «ценою девушки», а лишь возмещением расходов на её воспитание и приданое, которое семья даёт в новое хозяйство.

В заключении позволю себе совершенно уверенно сказать, что для освобождения киргизской женщины из-под ферулы обычая в браке и вдовстве существует, по моему мнению, только одно средство, это широкое распространение грамотности и образования среди киргизских девушек<sup>66</sup>.

Пример дочерей генерал-майора Кулчанова<sup>67</sup>, полковника Султана Асфендиярова<sup>68</sup> и прочих киргиз, давших образование дочерям, до очевидности ясно показывает путь освобождения девушки от обычного гнёта<sup>69</sup>, вот почему в Тургайской области, например, и открыта уже женская прогимназия для киргизских девушек<sup>70</sup>.

Действуя в этом направлении, мы только и можем сделать шаги к освобождению киргизской женщины, потому что образованную девушку или вдову род и не подумает силой отбирать у её суженого, а только предъявит иск по брачному вознаграждению, если таковое было получено родителями.

Уездный начальник

Полковник.

Подпись<sup>71</sup>

Взгляды наркоматов, женотделов и полковника-этнографа на политику гендерной модернизации дают понять, что раскрепощение в Туркестане было темой чувствительной как для европейцев, так и мусульман (городских, кочевников), а также демонстрируют отсутствие консолидированного мнения. Со стороны мужчин во власти наблюдалось игнорирование раскрепощения. Инертный подход к «женскому вопросу» чиновников на разных уровнях управления с упованием на силу прогресса, дальнейшие сожительство коренного населения с европейцами и светской государственной





системой говорит о преемственности с дореволюционной традицией осмысления раскрепощения.

Функционирование женотделов, дискуссии и относительный интерес мусульманок к институтам раскрепощения есть признание наличия гендерного неравенства и дискриминации женщин в культурно сложном туркестанском обществе. Рапорт чиновника также показывает, что киргизы (казахи) при советской власти продолжали пользоваться механизмами дореволюционной системы военно-народного управления при разрешении семейно-бытовых споров, а советское законодательство обходили и игнорировали. В свою очередь, это высвечивает наличие правового плюрализма, имевшего место в имперский период и сохранившегося в советском Туркестане.

В первой половине 1920-х годов женотделы старались опосредованно воздействовать на личное пространство мусульманок: через законодательство изжить калым, бюрократизацией трансформировать процесс заключения брака, просвещением изменить мировоззрение мусульманок, чтобы повысить значимость образования и владения определённой профессией. Образование и труд отделили бы время вступления девушек в семейные отношения и рождение детей. Став матерью, мусульманка физически не смогла бы уделять достаточного внимания личностному росту.

Свободный доступ мусульманок к образованию и труду стал бы ударом по патриархальной модели семейных отношений, спровоцировал реструктуризацию быта. Однако наркоматы занимали консервативную позицию, сохраняя или даже охраняя социокультурные и правовые обычаи коренных народов. Наркоматы вяло реагировали на советскую гендерную политику, препятствовали феминисткам продвигать интересы женщин. Таким образом, достижение гендерного равенства в первой половине 1920-х годов мягким путём в Туркестане провалилось. Это привело к ускоренному и неделикатному раскрепощению мусульманок в следующие несколько лет.

#### Примечания

<sup>1</sup> Круз Р. За пророка и царя. Ислам и империя в России и Центральной Азии / Перев. с англ. Р. Ибатуллина. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 260.

<sup>2</sup> РГАСПИ. Ф. 61. Оп. 1. Д. 54. Л. 1–14.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Самоназвание работниц женотделов. Вероятно, будет правомерным называть женотделок *феминистками*, поскольку они отстаивали аналогичные идеи о правовом, политическом, экономическом и интеллектуальном равенстве полов, как русские и западноевропейские участницы эмансипационного движения. См.: Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930 / Перев. с англ. М.: РОССПЭН, 2004. 616 с.; Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. СПб.: Алетейя, 2007. С. 437–466.

<sup>5</sup> Khalid A. Being Muslim in Soviet Central Asia, or Alternative History of Muslim Modernity // Journal of the Canadian Historical Association. Vol. 18. No. 2. 2007. P. 123–143; Dadabaev T. Religiosity and Soviet «Modernization» in Central Asia: Locating Religious Traditions and Rituals in Recollections of Antireligious Policies in Uzbekistan // Religion, State & Society. Vol. 42. No. 4. 2014. P. 328–353; Дэвид-Фокс М. Модерность в России и СССР: отсутствующая, общая, альтернативная или переплетенная? // Новое литературное обозрение. № 4, 2016. С. 79–91.

<sup>6</sup> Massell G.J. The Surrogate Proletariat. Moslem Women and Revolutionary Strategies in Soviet Central Asia, 1919–1929. Princeton: Princeton University Press, 1974; Alimova D.A. A Historian's Vision of «Khudjum» // Central Asian Survey. № 17:1. 1998. P. 147–155; Corcoran-Nantes Y. Lost Voices: Central Asian Women Confronting Transition. London: Zed Books, 2005; Kamp M. The New Woman in Uzbekistan. Islam, Modernity, and Unveiling under Communism. London: University of Washington Press, 2006; Kandiyoti D. The Politics of Gender and the Soviet Paradox: Neither Colonized, nor Modern? // Central Asian Survey. № 26:4. 2007. P. 601–623.

<sup>7</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 9. Л. 22; Любимова С.Т. Работа партии среди тружениц Востока. М.: Госиздат, 1928. С. 6–7.

<sup>8</sup> Öz Döm Ö. (2018). Muslim Women in Soviet Central Asia // Tarih İncelemeleri Dergisi. № 23(1). P. 91–116.



<sup>9</sup> Великий Октябрь и раскрепощение женщин Средней Азии и Казахстана / Сб. док. и матер. Отв. ред. З.А. Астапович. М.: Мысль, 1971. С. 46-47.

<sup>10</sup> *Стасевич И.В.* Брак и семья у казахов в конце XIX – начале XX в. Время и традиции // Центральная Азия: Традиция в условиях перемен. Вып. 2 / Отв. ред. Р.Р. Рахимов, М.Е. Резван. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 93-111.

<sup>11</sup> *Фиельструп Ф.А.* Из обрядовой жизни киргиз XX века / Отв. ред. Б.Х. Кармышева, С.С. Губаев. М.: Наука, 2002. С. 34-36; *Стасевич И.В.* Социальный статус женщин у казахов: традиции и современность. СПб.: Наука, 2011. С. 51.

<sup>12</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 441. Л. 38.

<sup>13</sup> *Любимова С.Т.* Как живут и работают женщины Средней Азии. М.: Госиздат, 1925. С. 11.

<sup>14</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 441. Л. 185-187.

<sup>15</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 442. Л. 37-41.

<sup>16</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 441. Л. 185-187.

<sup>17</sup> Там же.

<sup>18</sup> Там же. Л. 38-40.

<sup>19</sup> Там же. Л. 28.

<sup>20</sup> Там же.

<sup>21</sup> Там же.

<sup>22</sup> Там же. Л. 42.

<sup>23</sup> Там же. Л. 175-178.

<sup>24</sup> Там же. Л. 54.

<sup>25</sup> Там же.

<sup>26</sup> *Любимова С.Т.* Коммунист! Если ты не хочешь, чтобы народ вымирал, если ты действительно заботаешься о развитии народного хозяйства и культуры, если ты не бай, не мулла и не поддерживаешь мулл и баев – ты должен работать по раскрепощению женщин. Ташкент: Женотдел Средазбюро, 1925. С. 1.

<sup>27</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 441. Л. 54.

<sup>28</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 222. Л. 9; РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 419. Л. 31-36.

<sup>29</sup> *Любимова С.Т.* Сдвиги. Ташкент: Узгосиздат, 1925. С. 7.

<sup>30</sup> Там же. С. 8.

<sup>31</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 441. Л. 54.

<sup>32</sup> Там же. Л. 55.

<sup>33</sup> Там же. Л. 54.

<sup>34</sup> Там же. Л. 185-187.

<sup>35</sup> Там же. Л. 54.

<sup>36</sup> Там же.

<sup>37</sup> Там же. Л. 70.

<sup>38</sup> Там же.

<sup>39</sup> *Любимова С.Т.* Сдвиги. С. 4.

<sup>40</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 441. Л. 69-70.

<sup>41</sup> Там же.

<sup>42</sup> *Любимова С.Т.* Теория и практика работы партии среди женщин. Ташкент: Туркпечать, 1925. С. 28.

<sup>43</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 441. Л. 69-70.

<sup>44</sup> РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 95. Л. 175-177.

<sup>45</sup> Там же.

<sup>46</sup> *Любимова С.Т.* Теория и практика работы партии среди женщин. С. 28.

<sup>47</sup> Там же.

<sup>48</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 441. Л. 212.

<sup>49</sup> *Пальванова Б.П.* Эмансипация мусульманки. М.: Наука, 1982. С. 35.

<sup>50</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 441. Л. 44-45.

<sup>51</sup> РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 95. Л. 175-177.

<sup>52</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 215. Л. 15-17.

По данным туркестанских женотделов, в первой половине 1920-х гг. в них работали преимущественно европейки (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 441. Л. 168-174).

<sup>53</sup> Позиция автора совпадает с мнением этнографов-европейцев, которые изучали жизнь, нравы и традиции киргиз (казахов) Туркестанского края в дореволюционный период. См.: *Турдалиева Ч., Бикбулатова А.* Роль и положение киргизской женщины в XIX – начале XX в. Образы и стереотипы // Оазисы Шёлкового пути: современные проблемы этнографии, истории и источниковедения народов Центральной Азии: К 100-летию доктора исторических наук Балкис Халиловны Кармышевой / Сб. науч. статей. Отв. ред. Котюкова Т.В. М.: Изд. Фонда Марджани, 2018. С. 645-655.

<sup>54</sup> Автор рапорта говорит об этом как о позитивном явлении, что было присуще европейцам, порицавшим за ношение паранджи городских мусульманок региона. Паранджа, по мнению европейцев, была маркёром домодерной культуры, а избавление от неё считалось признаком стремления к «цивилизованности». См.: *Hofmeister U.* Civilization and Russification in Tsarist Central Asia, 1860-1917 // *Journal of World History*. Vol. 27. No. 3. 2016. P. 411-442.

<sup>55</sup> Киргизок с ранних лет приучали следить за домашним хозяйством, перекладывая на их плечи всю ответственность за быт. От этого, как утверждали наблюдатели-европейцы, они быстро старели. Отсутствие участия мужчины-мусульманина в обустройстве домашнего быта отмечалось в Туркестанском крае повсеместно в имперский и советский период. См.: *Gradskova Y.* Soviet Politics of Emancipation of Ethnic Minority



Woman. Natsionalka. Cham: Springer, 2019. P. 94-102.

<sup>56</sup> Этнографическая группа «сарт» сконструирована европейцами после присоединения Туркестанского края к Российской империи (1860-е–1880-е). Под сартами понимали городских жителей, по этнической принадлежности узбеков и таджиков. Категория «сарт» пережила Октябрьскую революцию и употреблялась в Туркестане до середины 1920-х гг. Сартянок европейские наблюдатели репрезентировали как наиболее угнетённых мусульманок. Как видно из рапорта – это позиционирование сохранялось и при советской власти. См.: *Абашинов С.Н.* «Сарты – народ с будущим». Этнография и империя в Русском Туркестане // *Ориентализм vs ориенталистика / Сб. статей.* Отв. ред. и сост. В.О. Бобровников, С.Дж. Мири. М.: Садра, 2016. С. 207-234.

<sup>57</sup> Название советской власти «русской» выдает имперскую риторику автора. В 1920-е гг. «русскость» считалась негативным маркером, поскольку ассоциировалась с колониализмом и империализмом. См.: *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939 / Пер. с англ. О.Р. Щелоковой. М.: РОССПЭН, 2011. С. 177.

<sup>58</sup> Здесь автор говорит о практике решения проблем населения в контексте системы военноподчинённого управления, которая была создана Российской империей. Система военноподчинённого управления изначально применялась на Северном Кавказе, после присоединения Туркестана была интегрирована и в этот регион. В соответствии с ней офицеры российской администрации исполняли роль третейских судей по вопросам личного характера коренного населения, которые не получалось разрешить в народном суде (мехкеме). В советском Туркестане фактически сохранялась система военноподчинённого управления, вероятно, потому, что новая ещё не успела оформиться и стать понятной для населения. См.: *Васильев Д.В.* *Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в.* М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 133; *Бобровников В.О.* Имперская интеграция или колониальная сегрегация в управлении восточными инородцами? (военно-народное управление на Кавказе и в Туркестане в 1860-х–1917 гг.) // *Центральная Евразия. Территория межкультурных коммуникаций / Колл. моногр.* Отв. ред. и сост. А.К. Аликберов. М.: ИВ РАН, 2020. С. 110-141.

<sup>59</sup> Под «общими законами» можно понимать как законы Российской империи, так и адат, либо же своего рода гибрид. Однако из текста не ясно, о каких именно законах идёт речь. Вместе с тем понятно, что на протяжении первой половины 1920-х гг. чиновники из бывшей царской администрации при решении проблем не использовали советское законодательство, а прибегали к имперским институтам, которые ещё морально не изжили себя.

<sup>60</sup> По адату.

<sup>61</sup> Вероятно, автор имел в виду русских переселенцев, которые так же, как и мусульмане Туркестанского края имели похожий на калым обычай выкупа невесты – «кладку» (иначе «запрос» или «деньги на стол»). Кладка существовала у русских крестьян в европейской части России. См.: *Смирнов А.Г.* *Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа.* М.: Универс. типогр. М. Каткова, 1877. С. 174-175.

<sup>62</sup> Родители жениха.

<sup>63</sup> Автор раскрывает механизм выдачи замуж девушки за нелюбимого человека не как аморальный и безнравственный акт, а как использование знаний правовых нюансов, что позволяло «застраховать», «удержать» выбранную девушку за семьёй, которая не может выплатить калым, но этому способствует их родственник.

<sup>64</sup> Вероятно, под «культурной девушкой» автор понимает по-европейски образованную девушку или ту, которая живёт в соответствии со светскими порядками, русифицированную или, в советском понимании, раскрепощённую, т.е. самостоятельную, вышедшую из-под контроля консервативных родителей и норм патриархального общества.

<sup>65</sup> Причина, аргумент, довод (франц. яз.).

<sup>66</sup> Аналогичное мнение в имперский период высказывал востоковед, инспектор народных училищ Туркестанского края Сергей Михайлович Граменицкий (1859–1919). См.: *Граменицкий С.М.* *Очерк развития народного образования в Туркестанском крае.* Ташкент: Типо-литография торг. дома Ф. и Г. Бр. Каменские, 1896. 89 с.

<sup>67</sup> Нияз-Мухаммед Салиевич Кулчанов (1847–1920-е?) – генерал-майор, участник туркестанских походов. Образование получил в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе. В 1870 г. участвовал во взятии бухарской крепости Китаб. С 1877 по 1890 г. занимал разные должности в самаркандском уездном управлении. В 1900 г. назначен комиссаром временной поземельной податной комиссии Самаркандской области.



В 1905 г. избирался почётным мировым судьёй города, был членом областного статистического комитета, почётным блюстителем 1-го Самаркандского русско-туземного училища. В 1914 г. стал председателем ревизионной комиссии Самаркандского сельскохозяйственного общества. См.: *Семёнов В.Г., Семёнова В.П.* Оренбургский Неплюевский кадетский корпус. История в лицах. Оренбург: Оренбургское книжное издательство им. Г. П. Донковцева, 2017. С. 377-378.

<sup>68</sup> Санджар Джафарович Асфендияров (1889–1938) родился в семье военного переводчика. В 1907 г. окончил Ташкентское реальное училище, в 1912 г. – Императорскую военную академию. С 1913 г. военный врач, участвовал в Первой мировой войне, попал в немецкие концлагеря, в 1915 г. был обменен Международным Красным Крестом. После Октябрьской революции примкнул к коммунистам и социалистам-мусульманам Туркестана. В ТАССР занимал пост наркома здравоохранения и земледелия, после национально-территориального размежевания стал наркомом здравоохранения КазССР.

См.: *Камалиев М.А.* С.Д. Асфендияров: жизнь-подвиг (к 125-летию со дня рождения) // Вестник КазНМУ. № 2 (4). 2014. С. 226–229.

<sup>69</sup> Т.е. от патриархальных традиций киргизского (казахского) народа.

<sup>70</sup> Женские образовательные учреждения начали появляться в Тургайской области в 1890-е гг. Как писала в 1895 г. «Тургайская газета» (№ 37), русско-киргизские женские училища были созданы в Актюбинске, Карабутаке, Иргизе, Тургае и Кустанае. В последнем городе планировалось к открытию русско-киргизские гимназии и прогимназии. Целью учреждения системы женского образования было раскрепощение киргиз-кайсачек через просвещение и превращение их в «интеллигентных женщин». См.: *Аничков И.* По поводу образования киргизских женщин в Тургайской области // Очерки народной жизни северного Туркестана / Сб. Ташкент: Типо-литография торг. дома Ф. и Г. Бр. Каменские, 1899. С. 26-35.

<sup>71</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 442. Л. 33–36.

